

ХИМФИЗИКА НА ВОДЕ — «РОБИНЗОН»

Спортивно-оздоровительная база «Робинзон» — заметная часть истории ИХФ длиной в 30 лет. Эта часть не знаменита выдающимися научными открытиями. Но в мощном влиянии на судьбы людей — сотрудников ИХФ этому замечательному явлению невозможно отказать. Оба моих сына выросли в «Робинзоне», женились благодаря ему и до конца жизни останутся патриотами берегов Истринского водохранилища. И таких людей с печатью «Робинзона» на судьбе трудно пересчитать. Поверьте на слово — их очень много. Кстати, каждый из них мог написать о «Робинзоне» не меньше и не хуже этого воспоминания.

Конечно, вклад ученых Химфизики в Атомный проект — это замечательное, эпохальное явление. Но Химфизика как питомник, создающий совершенно нестандартных, возьму на себя смелость сказать — выдающихся, людей, освещена существенно скромнее. Мне выпало счастье некоторых из них знать и иногда действовать с ними вместе, причем я здесь не имею в виду знаменитых учеников Н. Н. Семёнова: Н. М. Эмануэля, В. В. Воеводского, Н. С. Ениколопова. Речь пойдет о моих ровесниках, людях моего поколения, «научных внуках» Н. Н. И вот это воспитательное достижение Химфизики по общечеловеческим меркам сравнимо, как мне кажется, с гигантскими научными свершениями.

В 1960-е гг. спортивная жизнь в Химфизике была ключом. И как-то совершенно естественным было то, что вопросы развития физкультуры и спорта обсуждались на двух важнейших органах общественной жизни Института — парткоме и профкоме. А меня как-то раз летом 1966 г. мой друг Игорь Бельговский — выдающийся ученый, блестящий организатор и прекрасный человек — привез на Пяловское водохранилище под Москвой, где у его приятелей их ФИАНа была водно-лыжная база на старом судне, навечно пришвартованном к берегу. Среди хозяев этой базы была и тогдашняя чемпионка СССР по водным лыжам. Нас обещали покатать (дернуть), если мы сделаем для них одну нелегкую работу, связанную с нырянием на глуби-

ну 3 м при температуре воды градусов 13–15. Хотя я нырял до посинения, но работу эту мы так и не выполнили. Тем не менее за самоотверженность меня все-таки дернули, и я испытал непередаваемое чувство полета и счастья, которое вспыхивает в каждом человеке, в первый раз скользящем по воде с очень приличной скоростью. Поэтому этим же летом на парткоме я предложил купить списанный корабль и сделать там летний спортивный лагерь. Предложение было единодушно поддержано. Дома я в полном восторге от того, что моя идея поддержана парткомом — а тогда это означало, что ее исполнение становится вполне реальным, поделился этим с женой. Она в то время работала в Институте вакуумной техники (НИИВТ). Она вдруг говорит: «А у нас в Институте есть парнишка, который добился у лесничества аренды участка на берегу Истринского водохранилища. Нужно только указать само это место».

И зимой 1967 г. объединенный отряд двух Институтов ИХФ АН СССР и НИИВТ Минэлектропрома пошел на лыжах по льду вдоль берега водохранилища искать место для летнего спортивного лагеря. Меня там не было, но по рассказам Игоря Бельговского отважные разведчики (среди них был и Леша Сулимов, председатель Спортсовета ИХФ) здорово замерзли и, увидевши на берегу высокое место, украшенное золотистыми от солнца соснами, свернули туда перекусить. После принятия разведенного спирта стало совсем хорошо, и Игорь торжественно произнес: «Лагерь будет здесь!» В этом восклицании я не вижу полной аналогии с известной строкой А. С. Пушкина, якобы произнесенными Петром Великим, но некое формальное сходство просматривается, хотя и никому грозить из лагеря никто не собирался.

К лету оба института стали выделять транспорт для доставки своих сотрудников на субботники по организации палаточного лагеря. Кстати, к этому времени владельцем данного места стала Химфизика. Его добытчик из НИИВТ, Саша Крундышев, рассердившись на свое руководство, не желавшее заниматься организацией лагеря, передал права на

участок Химфизике. Нужно заметить, что про такой подарок мало сказать, что он ценный. Его площадь 7 гектаров, или 700 соток. В годы начала перестройки одна сотка на берегу Истринского водохранилища стоила 20 тыс. долл. Таким образом, цена этого «подарка» составляла 14 млн долл.

На субботах по строительству лагеря все было весело и прекрасно. Интересно, что коллективы двух как бы дружественных институтов разделились по своим предпочтениям проведения времени на лоне природы: сотрудники Химфизики предпочитали купание и общение, коллектив НИИВТ — купание и выпивку, которая, правда, не исключала и общение. Но тот факт, что первые, хотя и тоже выпивали, но значительно меньше, вторых подвиг на пренебрежительную оценку первых: «Умничают!» К середине июня стало ясно, что нужно будет не только построить лагерь, но и обеспечить его деятельность. Начальник спортивной жизни ИХФ АН СССР Леша Сулимов вежливо и как-то буднично сказал мне: «Директором лагеря будешь ты». С этого момента темп моей жизни возрос десятикратно. Быть интерфейсом между неторопливостью администрации ИХФ АН СССР, зажатой миллионом инструкций и приказов плановой экономики, и необходимостью в течение месяца запустить лагерь потребовало беготни, траты нервов и расходования собственной массы — я потерял за месяц 8 кг живого веса.

Несколько моментов из этой олупии я запомнил на всю жизнь.

Предполагалось, что оптимальным устройством для приготовления пищи участникам лагеря будет полевая кухня. В ту пору функции заместителя директора по административно-хозяйственной части (АХЧ) исполнял П. С. Костиков. Он был сотрудником КГБ СССР. По этой причине он поручил мне поехать в суперсекретную дивизию КГБ им. Ф. Э. Дзержинского в г. Реутов и взять там списанную полевую кухню. Он договорился, что меня и грузовик туда пропустят. Нас проверяли и пропустили на пяти контрольно-пропускных пунктах. Наконец, сию в части, где меня могут осчастливить списанной полевой кухней. Первое, что бросилось в глаза, — огромный пролом в стене, отделявшей мирный город от суперсекретной воинской части. Старшина, хозяин матчасти дивизии, или ее части, спокойно развеял мое недоумение. «Пришел приказ, что семьям офицеров нельзя находиться в расположении части. Пока строят дома за расположением, детям надо ходить в школу, вот и сделали проход». Тут у меня мелькнула мысль увеличить с помощью этой дивизии обороноспособность лагеря. Дело в том, что население деревни Лопотово, расположенной вблизи лагеря, было склонно к во-

ровству имущества лагеря. Так, в одну из ночей была украдена палатка, выгруженная с грузовика вечером и оставленная на ночь без присмотра. По моим представлениям, крупнокалиберный пулемет мог бы радикально исправить ситуацию с дырами в нашей охране. Когда выяснилось, что полевой кухни нет, а есть только котел для кипячения воды и я могу его взять, я спросил: «А что, можно у вас приобрести крупнокалиберный пулемет?» Реакция была деловая: «С патронами?» Я: «Ну конечно, тысяча штук». Старшина пошутил: «Это будет очень дорого стоить. Три литра спирта». Такая жуткая цена для меня, тем не менее, казалась вполне приемлемой. Но потом оказалось столько дел, что я забыл про это заманчивое предложение.

Большой проблемой было электричество. В конечном счете, из трех старых генераторов собрали один, но и тот не работал — не было магнето, которое стоило на рынке 15 рублей. Никакое административное давление на главного механика Кривенко не сдвигало проблему с мертвой точки. Но тут, на мое счастье, вышел из больницы действительный заместитель директора по АХЧ Семен Михайлович Куюмджи. Он при мне вызвал Кривенко и задал ему один вопрос: «Ты кто — философ?» Последовал испуганный ответ: «Ну зачем Вы так, Семен Михайлович». «Чтобы завтра генератор работал!» И генератор назавтра работал и был благополучно доставлен в «Робинзон».

Относительно кадров администрации лагеря не было никаких раздумий. Заместителем директора, он же завхозом, был сотрудник НИИВТ Саша Крундышев. Именно он «достал» этот прекрасный участок на берегу Истринского водохранилища. Был еще физкультурник, Володя Мальцев, мастер спорта по гандболу, впоследствии д.ф.-м.н., член-корреспондент Академии, по-моему, артиллерийских наук; художник Володя Иванов, поэт-абстракционист, автор названия «Робинзон». Он его дал лагерю, приехав на это место и увидев, что оно буквально кишит людьми на суше и водоплавающими средствами на воде в придачу к оглушительной музыке, гремевшей с трех сторон.

Несмотря ни на что, лагерь был открыт в запланированный срок — 3 июля 1967 г. Кухня «Робинзона» — один из материальных столпов жизни сообщества людей вдали от благ цивилизации — представляла собой длинную печку, которая топилась дровами. Их источником были старые липы, спиленные на территории ИХФ. Это топливо отличалось исключительной низкокалорийностью. Печь пожирала его в огромных количествах. Готовили еду и кололи дрова дежурные по данному дню участники лагеря — язык не поворачивался называть их отдыхающими. Холодильником служила

яма, выкопанная на субботах. Там прыгали попавшие в западню лягушки. Похоже, температура там была несколько выше, чем нужно для хранения продуктов. Как-то раз, проснувшись, я услышал шум около столовой. Возбужденные дамы — дежурные — на повышенных тонах излагали свое мнение о свиных сардельках, которые якобы ни в коем случае есть нельзя, так как они испорчены. Мне пришлось на их глазах съесть сырыми 4 штуки, чтобы доказать пригодность продукта для еды. Кстати, ни со мной, ни с кем-либо из участников ничего плохого после этого не случилось.

Вместе со мной жил мой шестилетний сын Максим. Поскольку мне было не до него, он делал, что хотел, и на воде, и на суше. Бдительные мамы, не решаясь рекомендовать мне следить за ребенком, пожаловались жене, когда она приехала на выходные, что ребенок болтается сам по себе и подает плохой пример другим детям, хотя и находящимся под присмотром мам, но жаждущим свободы и всеми силами добивающимся ее. К сожалению для этих мам, после приезда жены в содержании нашего сына ничего не изменилось.

Ночная жизнь в «Робинзоне», по крайней мере для компании, образованной вокруг директора и художника, протекала весьма интенсивно. Обсуждение событий прошедшего дня, песни под гитару — все это продолжалось до 3–4-х часов ночи, т. е. уже при утреннем свете. Вставать мне надо было в 7 утра, чтобы зарядка проходила при обязательном участии директора. Как-то коллектив дам обратился ко мне с устной жалобой на то, что какие-то мерзавцы шумят ночью, мешают спать. Я обещал найти и строго наказать негодяев. Ночные сборища были перенесены подальше в лес.

Буквально через неделю после открытия лагеря удалось организовать и водные лыжи. Один из механиков службы главного инженера АХЧ был мастером спорта по водно-моторному виду и имел собственную лодку с мотором, которую и приволок в «Робинзон». Штатное расписание «Робинзона» пополнилось механиком. Предстояло открытие водно-лыжного сезона. Весь лагерь собрался у мостков. И вдруг к этой возбужденно галдящей толпе подходит не кто-нибудь, а сам Николай Николаевич Семёнов, приехавший посмотреть, как отдыхают его сотрудники. Наступило ошеломленное молчание. Мне пришлось его прервать: «Николай Николаевич, не хотите ли прокатиться на водных лыжах?» «Я-то не рискну, а вот спортсмен, — он кивнул в сторону П. С. Костикова, сопровождавшего его (он из заместителей директора к тому времени вернулся в звание референта директора), — пусть попробует». Павел Семенович воспринял эту фразу как приказ и немедленно стал раздеваться. Остав-

шись в одних трусах, которые с большой натяжкой можно было назвать спортивными, он храбро сел на мостки и вцепился в ручку фала. Как выяснилось потом, механик-водитель с тех пор, как Костиков временно был заместителем директора по АХЧ, т. е. его начальником, затаил на него злобу. В результате он вместо обычного режима катера-буксировщика — малый газ при разматывании фала и 3/4 полного газа к моменту старта воднолыжника — на малом газу стащил Павла Семеновича в воду, а потом дал полный газ. Отважный дебютант в водно-лыжном спорте, будучи волевым спортсменом, держал до последней возможности ручку фала, был выдернут из воды и еще метров пять летел по воздуху.

Николай Николаевич хохотал как ребенок, остальные также не могли удержаться от смеха. Я сидел на пригорке рядом с Николаем Николаевичем. Поскольку я перед его приходом готовился к старту, то привязал очки к уху белой веревочкой, которая оказалась длинноватой и свободно болталась около лица. Володя Иванов сфотографировал меня рядом с Н. Н., и на ежегодном конкурсе фотографий, которые тогда проводились в Химфизике, это фото с названием «два директора» оказалось победителем.

«Два директора»: справа в шляпе директор ИХФ АН СС-СР, лауреат Нобелевской премии Н. Н. Семёнов, слева в плавках первый директор спортивно-оздоровительной базы «Робинзон» В. М. Гольдберг, июль 1967 г.

После первой смены я так устал, что ушел в поход на Кавказ. Меня и В. М. Мальцева сменили Коля Пятаков и Женя Аптекарь. Лагерь стал жить, и попасть туда летом было непросто. Все вошло в норму: и электричество провели, и на кухне были и штатные повара, и холодильник, и газовые плиты, а вместо палаток поставили домики, построили бильярдную. Но остался рабочий час, в течение которого все были обязаны выполнять общественно-полезную работу. В ходе выполнения этого довольно скучного мероприятия нетривиальный

подход к возникающим проблемам продемонстрировал А. А. Берлин. Он в компании коллег должен был приволочь огромный ствол дерева, упавшего во время урагана, с одной территории лагеря на другую. Решили доставлять его по воде. Но на середине дистанции сообразили, что излишнее усердие наказано, вкатили бревно на берег и уселись отдыхать. Это не ускользнуло от бдительного ока тогдашнего начальника. «Почему не работаем?» — злобно спросил он. А. А. Берлин не задержался с ответом: «Мы задами сушим бревно. А то оно наберет воды, тогда его вообще с места не сдвинешь».

Толпа идет на праздник, посвященный 50-летию Химфизики. Июль 1981 г. На входном плакате написано: «Зона «Робинзона». С бензином не входить. Славься, наука химия»

Совершенно замечательный праздник, посвященный 50-летию ИХФ был организован в «Робинзоне» летом 1981 г. Я как спортивный сектор Профкома отвечал за его организацию, Володя Мальцев, председатель Профкома, как и положено было начальнику, принимал участие криками: «Давай, давай!» Настоящим же создателем веселого, искрометного, надолго запомнившегося двухдневного действия был Толя Пурмаль. Вот только два из бесчисленного множества аттракционов и соревнований.

Ловцы жемчуга. Ищут и достают брошенные в воду билиардные шары. Сначала стеной против этого встал завхоз, Василий Игнатьевич: «Не дам уничтожать имущество лагеря!» Как-то его уговорили и бросили в воду 10 билиардных шаров. А берег в «Робинзоне» очень крутой, почти у самого уреза воды уже 8–10-метровая глубина. В мою бытность директором дежурные мыли у воды 50-литровый алюминиевый бак, прошел катер, волна захлестнула бак, и, сколько ни ныряли, так его и не нашли.

С билиардными шарами вышла абсолютно та же самая история.

Мушкетеры. При лунном свете, стоя на парусной доске, противники фехтуют веслами до падения одного из них в воду.

Но это было уже после запрета водных лыж на Истринском водохранилище. Каким-то генералам, отдыхавшим на берегу водохранилища, мешал шум катеров. Мы, естественно, возмущались, в лагере уже был катер с двумя подвесными моторами, но делать было нечего: водные лыжи безвозвратно ушли в прошлое. Правда, здорово спустя после этой микротрагедии все пришли к выводу, что в этом запрете было что-то правильное.

Как-то незаметно, я не помню как, в лагере появились парусные доски. И уже организуются регаты, и подросшие сыновья великолепно ходят на них и участвуют в общеистринских регатах, и вечером собираемся для «разбора дневных полетов». В общем, организуем яхт-клуб. Президентом избрали меня, и я даже поехал в Таллин, на судостроительную верфь за новыми досками. Правда, **достать** (фирменное слово плановой экономики) их тогда не удалось, но другими путями, глухими извилинами тропинок новые доски прибыли все-таки на Ленинградский вокзал и не без трудностей, но, в конце концов, благополучно были доставлены в «Робинзон».

Как поется в песне Ю. Визбора: «Нам нужен дом. Любовь у нас была». Это был, по-моему, 1984, а может быть, и 1985 г. К этому времени жесткие рамки, которые ограничивали спрос и предложение в стране, чуть-чуть ослабли. В результате двухэтажный сборно-щитовой дом мог быть продан не только колхознику и только за наличные, но и несельскохозяйственной организации и за безналичные. Мне кажется, что нашел нашу мечту Сережа Бубен. Этот клад валялся уже несколько лет во дворе строительного магазина г. Кимры Калининской (ныне Тверской) области, поскольку ни у одного близкого колхозника и в помине не было столько денег, чтобы купить такой дом. Соответствующая сумма, если мне не изменяет память, была 98 тыс. руб. Цена автомобиля Волга, как следует из кинофильма «Берегись автомобиля!» составляла тогда 5600 руб. А в родном ИХФ такая сумма оказалась. Это был результат победы нашего института в соцсоревновании с другими академическими институтами и награждения его (ИХФ АН СССР) переходящим Красным Знаменем и перечислением серьезной суммы денег. Возможно, современному гражданину нашей страны будет трудно понять, по каким параметрам соревновались (социалистическим, научным?) между собой институты Академии наук, но факт остается фактом — было соревнова-

ние, была победа и были реальные деньги.

Партком и Профком ИХФ возглавлялись тогда замечательными спортивными ребятами Эдиком Олейником и Володей Мальцевым, с которыми меня связывала дружба на крепкой базе горных лыж, горного туризма и альпинизма. Буквально по Высоцкому — «если друг оказался вдруг» секретарем Парткома и председателем Профкома. В результате счет на дом был оплачен, грузовик для перевозки дома и небольшой автобус ПАЗ для грузчиков — будущих жильцов дома — также были предоставлены в наше распоряжение.

Качество дорожного покрытия тогдашнего Дмитровского шоссе, по которому пролегал наш путь, наглядно иллюстрировалось несколькими перевернутыми автомобилями справа и слева от дорожного полотна. Однако настоящие размеры бедствия предстали перед нами, когда мы увидели предел своих мечтаний во дворе магазина в виде огромной кучи беспорядочно разбросанного, почерневшего от времени дерева. Тем не менее, наставив борта грузовика то ли дверями, то ли стенами, мы погрузили не весь дом, но его значительную часть и тронулись обратно уже в сумерках. Надо сказать, на душе у нас было тоже сумеречно. Все прекрасно себе представляли, что если мы на своей машине повышенной высотности не проедем по довольно низкому тоннелю под каналом Москва—Волга в Дмитрове, то нам в крошечной тьме придется разгружать и перетаскивать весь груз к выезду из тоннеля, а затем снова грузить наш ценный, но такой тяжелый груз. Эта тягостная перспектива погрузила бодрый коллектив в тяжелое молчание, пока мы, слава богу, не проехали благополучно этот тоннель. В «Робинзоне» нас ждала прекрасная половина яхт-клуба с горячим чаем и домашними пирожками, так что мир вокруг снова окрасился розовыми тонами. В результате разгрузили, аккуратно сложили, укрыли рубероидом и приехали в Москву до закрытия метро. Вторая поездка за оставшейся в Кимрах частью дома протекала не так драматично и романтично, так что решение жилищного вопроса для яхт-клуба пока худо-бедно, но выполнялось.

Строительство началось весной. Конечно, подавляющее большинство яхтсменов не имело ни малейшего понятия, как из кучи непонятных деревяшек может возникнуть дворец яхтенного спорта. Но бог милостив. Два человека — Володя Богословский, ныне главный энергетик ИБХФ РАН, и Миша Гоголя, его, к сожалению, уже нет с нами, — все в этой проблеме понимали и делали все как надо. Моя роль была чисто завхозовская — обеспечение рабочей силой и расходными материалами. Опять навстречу пошел партком. Саша Голощапов, ныне заместитель директора ИБХФ, а тогда освобожден-

ный секретарь парткома, согласился считать работу по строительству дома яхт-клуба как работу в колхозе. Естественно, и то, и другое проистекало в рабочее время. Насчет же расходных материалов — мне удалось угнать со стройки в отдаленной от «Робинзона» деревне бетоновоз с четырьмя кубами бетона. Это стоило гораздо дешевле, чем несостоявшаяся покупка крупнокалиберного пулемета в дивизии КГБ им. Ф.Э. Дзержинского. И хороша ложка к обеду! К этому времени уже стояла опалубка для 20 столбиков, на которых должен был стоять наш сборно-щитовой дворец. Долго ли коротко, а дом был построен. Он состоял из огромной гостиной — метров сорок, двух комнат — одна с отдельным входом — и спального чердака. По-моему, лет 15 была у нас крыша над головой. Это были 15 лет счастья.

На этом фоне помню два события. В «Робинзоне» были три признанных певца с гитарами — Игорь Ларин, Гриша Гуревич, давний друг Игоря, и я. Но в какое-то лето появился молодой парнишка, который мог петь для своей компании всю ночь. Пошли разговоры — куда, мол, старикам, их песенка давно спета. Мы с Игорем решили дать отпор наглой молодежи. У костра собрались слушатели, они же жюри. Из уважения к сединам и истории «Робинзона» нам простили, что мы двое против одного. По мере наступления рассвета жюри потихоньку таяло. Но таял и наш с Игорем репертуар.

Молодой же был бодр и свеж. Нам удалось добиться прекращения соревнования и объявления ничьей, когда ушел последний слушатель. Хотя молодой был не согласен, настаивал на своей победе и требовал «продолжения банкета», мы с чувством того, что не посрамили седин, с достоинством удалились спать. Второй случай произошел на вечернем застолье в гостиной яхт-клуба. Бывший тогда директором «Робинзона» сотрудник НИИВТ по имени Дима Ивановский решил произнести тост в мою честь и за мое здоровье, поскольку он большой начальник и, как он думал, должен отдать должное микрона начальнику, президенту яхт-клуба. «Владимир Михайлович, — торжественно начал он, — не только великий теоретик, но и большой практик!» Собравшиеся буквально попадали со стульев от хохота.

К сожалению, в 1990-е гг. вместе с развалом СССР начал умирать и «Робинзон». Правда, это — уже совсем другая, грустная история. В НИИВТ директором оказался некто Рябов, превративший прекрасный прикладной институт, основанный академиком С. А. Векшинским, кстати, другом Н. Н. Семёнова, в мастерскую по изготовлению пластиковых окон. К несчастью, житье в «Робинзоне» ему очень нравилось. И, хотя формально арендатором земли был ИХФ, все шло к тому, что он добьется для себя аренды земли под «Робинзоном» на 49 лет. Неожиданно для всех в решающий момент что-то подорвало его психическое здоровье, и его поместили в сумасшедший дом. Директором НИИВТ стал Володя Кеменов, чуть ли не член яхт-клуба. Однако с ним не удалось договориться о совместных действиях. В «Робинзоне» же в это время хозяйничал человек по фамилии то ли Железный, то ли Серебряный — личный врач недоброй памяти Рябова, который и упек его в сумасшедший дом. Я подумал, что он может помочь сохранить «Робинзон». Место для обсуждения этого стратегического вопроса было назначено в его приемном кабинете — ни больше ни меньше как в театре Ленком. Он вроде консультировал (пользовал, как говаривали в старые времена) тамошних артистов. Познакомил он меня и с одним из артистов Ленкома, очень известным тогда, играющим и сейчас в театре и кино, Андреем Соколовым. Тот приходил даже ко мне в лабораторию и сказал, что тут все ему знакомо. Оказывается, он кончал МАТИ — Московский авиационно-технологический инсти-

тут, факультет неметаллических авиационных материалов по кафедре пластмасс. К сожалению, для этого замечательного артиста общение с доктором закончилось печально. Слава Богу, что не для здоровья, а только для кошелька. Доктор «продал» ему за 350 тыс. долл. коттедж в «Робинзоне». Но когда артист приехал заселяться в коттедж, то ни доктора, ни коттеджа, ни, естественно, 350 тыс. долл. там не оказалось. Безутешный Андрей бродил по «Робинзону» и с ненаигранным отчаянием твердил: «Что же делать? Что делать?» Я же от знакомства с этим О. Бендером 1990-х гг. ничего не потерял, а приобрел — был познакомлен с энергичной дамой, деятельницей шоу-бизнеса, которая тоже обещала помощь в возвращении «Робинзона» юридическим путем, но и тут ничего не вышло.

Моя третья попытка в этом направлении обаяна была закончиться удачей. Мне согласился помочь замечательный человек Стас Левочкин. Он тоже был патриотом Истры, так как в детстве жил и тренировался в соседнем лагере спортивной школы «Романтик». К тому времени он добился аренды земли, начал создавать загородный спортивный клуб, который активно функционирует, я бы сказал процветает, и сегодня. Поскольку он близко знал начальство Солнечногорского района и была даже известна сумма, необходимая для заключения договора аренды и он готов был отдать эту сумму в нужном направлении, я поверил в успех нашего безнадежного мероприятия.

Но, как всегда, на казавшейся гладкой дороге к успеху возникает это проклятое, непредвиденное «но». Правительство Московской области решило, что такая важная проблема, как долгосрочная аренда подмосковных земель, должна решаться не в районах, а в Москве, и отобрало у районов право распоряжаться собственными землями. Соответствующие суммы возросли в 10 раз и даже для успешного предпринимателя Стаса оказались неподъемными. Участок «Робинзона» захватил банк «Абсолют» и, по слухам, подарил его сыну тогдашнего губернатора Московской области генерала Громова.

Оглядываясь назад, я понимаю, что удержать «Робинзон» могли только заместители Н. Н. Семёнова: по общим вопросам — В. К. Боболев и по АХЧ — С. М. Куямджи, люди железной хозяйственной хватки. Только к тому времени их уже не было у штурвалов корабля ИХФ. . .

В. М. Гольдберг

ПОПРАВКА К СТАТЬЕ Е. А. Мирошниченко, Т. С. Коньковой,
Ю. Н. Матюшина, А. Б. Воробьёва, Я. О. Иноземцева, А. В. Иноземцева
«Энтальпии образования и энергии перестройки радикалов нафталина»
(Горение и взрыв, 2021. Т. 14. № 2. С. 100–105)

DOI: 10.30826/CE21140211

С. 102, левый столбец:

- 4 строка снизу вместо [2, 4] должно быть [13, 14]
- 3 строка снизу вместо [4] должно быть [14]
- 1 строка снизу вместо [2] должно быть [13]

С. 102, правый столбец:

- 1 строка сверху вместо [2, 4] должно быть [13, 14]
- 3 строка сверху вместо [3, 6–8] должно быть [3–7]
- 16 строка сверху вместо [2] должно быть [13]
- 23 строка снизу вместо [1] должно быть [9]